

Универ

1. Экзамены.

Гоша заболел Городком сразу и надолго. Живя в нем многие годы, Гоша в конце концов привык ко всему и считал, что по другому и быть не должно. Но стоило случайно отъехать на несколько автобусных остановок и очутиться в среде окраины уже не Городка, а Большого Города, Гоша начинал понимать, как крупно ему повезло с Городком. Чтобы это постигнуть, мало просто жить в Городке, нужно быть его частью.

Впервые Гоша попал в Городок безоблачным июльским утром 1964 года. Сойдя на автобусной остановке, Гоша оказался в точке, из которой просматривались практически все институты Городка, а прямо за ним, через дорогу, возвышался Институт ядерной физики, о чем возвещала широкая надпись на фасаде. А причудливые картинки, изображавшие траектории не то электронов в атоме, не то еще каких-то таинственных частиц, откровенно сулили Гоше необыкновенные переживания в будущем, если удастся прикоснуться к этому миру. Было около девяти часов утра и солнце, только показавшееся из-за правого крыла Института, светило прямо в глаза, и в контрастном освещении казалось, что Институт парит над землей величественной белой громадой. Эффект этой фантастической картины еще больше усилили два молодых парня, проходившие мимо, в которых Гоша сразу определил физиков-теоретиков. Оба своей внешностью, одеждой, взглядом, скорее походили на героев новейшего фильма, чем реальных людей (сверкающие нейлоновые рубашки, закатанные рукава, аккуратная черная бородка у одного из них). И сердце Гоши заняло: ему болезненно, до слез, захотелось попасть в этот мир, жить в нем, стать его частью и необходимым элементом. Но сначала нужно было поступить в Университет.

В приемной комиссии Университета все прошло быстро и по-деловому. У него без лишних вопросов взяли документы, выдали экзаменационный лист, приклеив на него его любительскую фотографию, по которой нельзя было однозначно сказать, он ли на ней изображен или кто другой, и направили в общежитие. В тот же день Гоша стал ходить на семинары, которые устраивали для абитуриентов, чтобы ввести их, наивных и глупых, в курс дела. Вели семинары молодые ребята, по-видимому, студенты. Их немного развязная, явно перенятая, манера изложения, непривычная терминология, даже сами задачки,

которые они предлагали — все было необычно для Гоши, все завораживало.

А потом наступили экзамены. Первые два Гоша сдал средненько, мог бы и лучше. Но подвела Гошина неопытность. Остался один, главный, устный экзамен по физике. Гоша понимал, что от него зависит его судьба и упорно готовился к нему. На улице стояла жара; ребята, его соседи по комнате в общежитии, каждый день ходили на пляж и звали Гошу. Но Гоша отказывался. (Оба соседа, к слову сказать, экзамены провалили). Накануне последнего экзамена, когда Гошины силы стали истощаться, Господь Бог склонился к нему и шепнул на ухо: «Брось, Гоша, отдохни немножко». И Гоша бросил. Пошел на летнюю концертную площадку перед общежитием, где абитуриенты пинали мяч, напинался с ними вдоволь, поужинал, еще погулял и спокойно, без угрызений совести, лег спать. Проснулся Гоша поздно, экзамены уже шли, но он знал, что там все равно очередь, и приходить к началу не обязательно. Действительно, когда Гоша пришел в Университет, перед дверью аудитории, где шел экзамен, оставалось еще только два-три абитуриента, и, прождав всего несколько минут, Гоша зашел внутрь. Экзаменатор, пожилой сухощавый профессор в очках в тонкой оправе, дал Гоше четыре задачки и отошел. Через некоторое время он вернулся, посмотрел, как Гоша справился с ними, буркнул что-то и дал еще три. Подойдя в следующий раз и убедившись, что у Гоши пока все в порядке, начал давать задачки уже не отходя, в режиме вопрос-ответ. Гоша держался. Подошел еще один экзаменатор, послушал, поговорил с Гошиным профессором. О чем они говорили, Гоша не вникал, не было времени. Наконец, Гошин профессор посмотрел на своего знакомого и улыбнулся: «Ну что, с молодым человеком приятно поговорить», и поставил пятерку. И Гоша, счастливый, полетел писать письмо родителям.

А потом был безмятежный месяц дома, в деревне, где Гошу все поздравляли и смотрели на него со значением. Этот месяц пролетел в беспомыслии, как один миг, и Гоша вернулся в Городок.

2. Колхоз.

Обучение в Университете началось с колхоза. Их, первокурсников, человек пятьсот, привезли в пустой уже пионерлагерь в лесу на берегу залива и предложили покопать картошку. Ах, тот сентябрь! Месяц фантастических открытий, знакомств, узнаваний, первых увлечений. На Гошину душу, неопытную и неокрепшую, обрушился поток впечатлений, от которых он временами просто цепенел. Гоша обнаружил, какими эрудированными могут быть его сверстники, какими необычными талантами обладать, как остроумно и уверенно распоряжаться прочитанным, как красиво излагать свои (ну, не всегда свои) мысли. Правда, много времени спустя выяснилось, что самыми

успешными в карьере оказались не те, кто блистал эрудицией, остроумием, знаниями, а те, кто молчал и наблюдал. Самыми креативными оказались математики. Это они, используя известный мотив, сочинили песню про жизнь в колхозе, ставшую любимой для всего курса на многие годы.

Уже на второй день Гоша, зайдя в столовую, получил сильнейший удар, последствия которого он чувствовал всю жизнь: за стойкой, где пребывал столовский персонал, он увидел девушку. Невысокого роста, черноволосую, с глубокими и синими, как темное небо, глазами, совершенными чертами лица. На мгновение Гошина душа рухнула куда-то в бездну, но уже в следующую минуту оттуда, из глубины, раздалась совсем необычные для Гоши трезвые и умные слова: «Успокойся, Гоша, эта девочка не для тебя!». И Гоша в самом деле успокоился. На том бы все и кончилось, и жизнь Гошина потекла бы совсем по другому руслу, но Эля (так звали девочку) была общительной, умела прекрасно говорить со всеми, нашла словцо и для Гоши. И Гоша поплыл... Гоша, Гоша, знал бы ты, что будет дальше. Может быть, возблагодарил бы судьбу, а может быть, рванул бы из столовой и никогда туда не возвращался.

Старшим группы, куда попал Гоша, был назначен Саша Воинов. Интеллигентной внешности, в очках, неторопливый, рассудительный, он казался старше остальных. Воинов часто и к месту цитировал словечки из «Одесских рассказов» Бабеля, вызывая всеобщий смех. За это его любили, а Гоша втайне восторгался. В бригаде у Воинова был недобор, и решили (Воинов предложил) доукомплектовать «женщинами». На второй день, вечером, Воинов взял Миньку, Гошу, и пошел выбирать «женщин». Пришли в палату соседнего корпуса, где жили девушки-физики. Девушки еще бодрствовали и делегацию приняли благосклонно. Поговорили (Гоша не сказал ни словечка, зато Воинов не замолкал). На кровати, близкой ко входу, уютно, на боку, лежала красивая девушка, подперев голову ладонью. Лицо ее, немножко удлиненное, резко очерчивали чуть широковатые скулы, большие карие глаза в упор с насмешкой рассматривали пришедших. Воинову она сразу понравилась (Гоше тоже) и была первой записана в бригаду. Да-а-а... Правильно ли поступил Воинов? Не поторопился ли он? В тот момент, безусловно, «да, правильно». В конце концов, первый наш выбор всегда определяется внешностью, голосом, интонацией, походкой. Но жизнь длинная и сложная, состоит из огромного количества событий, поступков, слов, которые, сливаясь, образуют медленный, извилистый, не поддающийся осмыслению поток, направление которого в начале его и конце часто не совпадают. В тот вечер в бригаду была записана еще и Людочка Долина, девушка с огромными синими глазами, которой выбор Воинова понравился даже больше, чем самому Воинову. И это послужило началом еще одной печальной истории.

Утром все студенты шумной толпой отправлялись в поле. Все, кроме гуманитариев: девушки-филологини оставались при столовой. Сказать, что шли охотно, значило бы покривить душой. Работали нормально, но героизма в труде не проявляли. Старательно, но без фанатизма, пытались сортировать картошку на кондиционную и семенную (так велели). Перекидывались с соседями шуточками. Людочка Долина часто, выпрямившись, подолгу смотрела на Воинова, а Воинов поглядывал в другую сторону... В общем, день как-то тянули, но настоящая жизнь закипала вечером. После ужина середина столовского зала расчищалась и включалась музыка. Красивая музыка, последние мировые хиты, роскошные танго. До одиннадцати вечера разрешалось все, после — отбой. Руководил студенческим лагерем Полковник, сотрудник университетской военной кафедры. Он был строг и режим соблюдал неукоснительно. Он же был и притчей во языцех, центром и мишенью всех шуточек студентов. Полковник об этом знал, но за строгой внешностью и зычным (генеральским) голосом скрывался добродушный человек, много повидавший на своем веку, и потому никаких репрессий не следовало.

На этих столовских вечерах шли смотрины, завязывались знакомства, оказавшиеся роковыми для некоторых, здесь же студенты демонстрировали свое мастерство, желая показать себя в лучшем качестве. Кто пел, кто рассказывал, кто брэнчал на гитаре. А Миша Гринфельд, тоже из бригады Воинова, крутил на пальце футбольный мяч. Миша прибыл из причерноморского российского города, где на улицах, среди сверстников, его умение ценилось высоко. Вид у Миши был невзрачный: среднего роста, худой, с черными неухоженными локонами, в цыганской шляпе и с завязанными на животе в узелок концами рубашки, отчего Мишин пупок предоставлял всем желающим возможность полюбоваться собой.

Каждый день Гоша встречался и разговаривал с Элей. То, что происходило, разговором назвать было сложно, поскольку говорила одна Эля, а Гоша только слушал и молча смотрел на нее. У Эли был дар рассказывать интересно даже о простых вещах, о девочках в их группе, о работе в столовой, о том, где она росла и училась. Она не умничала, не пыталась показать себя лучше, что, по твердому убеждению Гоши, уж и невозможно было. Видя, как Гоша путается, пытаясь что-то рассказать, но при этом боясь сказать глупость, упасть в ее глазах, она подшучивала над ним, но так, что Гоше становилось легче. Все в ней вызывало Гошино восхищение. С каждым днем желание видеть ее, побыть рядом, послушать становилось все непреодолимее.

Однажды Эля, сопровождаемая двумя подружками, собралась уходить с закончившегося вечера, и Гоша проводил их до выхода из столовой. Девушки спустились с высокого крылечка и стали уже поворачивать за угол, когда Эля

внезапно резко повернула голову и с укоризной посмотрела на Гошу, оставшегося на крылечке. «Ну, что ж ты, дружок, стоишь пеньком, проводил бы» - откровенно читалось в ее взгляде. Эх, Гоша, Гоша... . Ему бы вскинуться, не раздумывая, перелететь через перила, касаясь их только одной рукой, как делают лихие парни в фильмах, оказаться рядом с Элей и, может быть, добиться ее расположения, но Гоша стоял нерешительно и мучился серьезнейшими вопросами: «А правильно ли он понял ее взгляд? А можно ли так делать? Ах, уже поздно, прозевал момент!». И так далее и в том же ключе.

Подружки Эли, тоже филологини, были теми еще подружками. Они познакомились здесь, в колхозе, и уже через два-три дня стали неразлучны. Одна, Верочка Роднина, — спокойная, чуть холодноватая, умная, и, как и Эля, с языком, способным сразить одним словом. Другая, Наташа Алкнист, — худенькая, стройная, темноволосая (на период знакомства), она, в брюках и облегающем свитере, походила на мальчишку-подростка. Она знала все (Эля звала ее энциклопедией). Любую книгу, картину, фильм и многое другое комментировала сходу, уверенно, детально. Спорить с ней было вовсе не нужно, нужно было просто слушать. Обе девушки относились к Гоше хорошо и, как казалось Гоше, с пониманием. Впрочем, ни у той, ни у другой, выбора практически не было — Эля была бесспорным лидером в тройке.

Через две недели пребывания в колхозе у Воинова случился день рождения. Решено было отметить. Гоша немножко удивился: он считал этот повод ничтожным. Но Воинов, городской житель, всегда мыслил шире. Решено было купить водки, стащить из столовой закуску из своего ужина, и, главное, добыть гуся и сварить его. Вот на это-то славное дельце, добыть гуся, и был отправлен Гоша и еще один студент из их бригады — здоровяк и силач по прозвищу Арсен (он сам рекомендовал так себя называть). Гоша не раздумывая, как солдат, согласился, и они с Арсеном отправились на задание. В деревушке, при которой стоял пионерлагерь, гусей было много (ну, может быть, поменьше, чем в Тарусе). Они свободно расхаживали по улице и изловить одного из них было нетрудно, лишь бы никто не увидел. Договорились так: Гоша будет стоять на стреме, а Арсен схватит гуся. Так и сделали, и Арсен уже схватил бедолагу и даже успел крутануть ему шею, но тут из-за угла показался колесный трактор. Что делать? Арсену ничего не оставалось, как просто сесть на гуся, прикрыв его собой. Трактор прокатил мимо, не остановившись. Возможно, парня, сидящего на земле, тракторист и заметил, но уж больно здоров и плечист был этот парень, чтобы выяснять причины его необычного поведения. А вечером, после ужина, компания человек в десять отправилась на берег моря, в кусты (подальше от посторонних глаз), развели костер, ощипали и сварили в ведре

гуся и славно попиrowали! Годы спустя Гоша, вспоминая этот эпизод, каждый раз содрогался от ужаса. Гоша, Гоша! Ну какой же ты был простофиля, прости Господи! А если бы Полковник узнал и тебя бы отчислили, то конец всему — Университету, знакомству с Элей, конец жизни. И ради чего? Но, странное дело, никогда он не винил Воинова, только себя. А ведь Воинов наверняка понимал, чем грозила его авантюра, мог бы и сам пойти воровать гуся на свой день рождения, уж если так сильно хотелось! Но для Гоши Воинов уже тогда стал кем-то вроде из касты жрецов, браминов, неподсудных и необсуждаемых.

3. Первый курс.

Каким бы замечательным ни было время, проведенное в колхозе, но окончания их поездки все ждали с нетерпением: хотелось перемен.

И вот, они в Городке. Университет, запруженный летом толпой разношерстных абитуриентов, теперь заполнили старшекурсники, серьезные, умные, прилично одетые. Погода сразу, как по команде, испортилась и беспечный солнечный Сентябрь сменился хмурый дождливый Октябрем. Без промедления начались занятия. На первокурсников обрушилась лавина, которую они и представить себе не могли. Работа с утра и до позднего вечера, иначе что-то не успеешь сделать. До обеда – лекции, потом семинары, прорва задач по всем предметам, английский Больше всех донимал английский. Гоша, невосприимчивый к языку, мучился тяжело.

Первокурсников-физиков поселили в общежитии на Проспекте, примерно в километре от Универса. Прозанимавшись допоздна накануне, студенты имели естественное желание выспаться, а утром, в девять, начинались лекции. Потому вставали в последнюю возможную секунду и, наскоро выпив молоко из картонной пирамидки с булочкой, мчались в Универ. За десять минут до начала лекции из общежития выкатывалась толпа из пары сотен студентов и плотным комом катилась по улочкам Городка. Бежали, конечно, кратчайшим путем. На пути попадался лесок из молодых посаженных сосенок с узкой тропинкой, которая, не имея возможности пропустить весь ком разом, заставляла его растянуться так, что когда голова толпы выкатывалась из леска, хвост ее только втягивался в него. Но к началу лекции все благополучно успевали.

Весь день проходил в Универсе. Вечером, уже в общежитии, приходилось делать то, что не успевали за день. В переходе между общежитием и соседним зданием была оборудована комната для занятий, две противоположные стены которой занимали большие, от пола до потолка, окна. Снаружи, за окнами, наваливалась холодная, черная ночь, а здесь было тепло, неяркие светильники и простенькие столы вдоль стен, оставшиеся как наследство от бывшего здесь когда-то учреждения. Сюда обычно приходили пять-шесть человек, и иногда

собирались ребята, которые нравились Гоше, и ему приятно было просто пообщаться с ними. В этот вечер за первым столом расположился Саша Келерман, худощавый, в очках-стеклышках на тонком интеллигентном лице. Он говорит негромко, спокойно, аккуратно подбирая слова. Дальше Витя Пак, кореец из Узбекистана, низко склоняется над тетрадкой, разглядывая ее глазами-щелочками. Он немногословен и обходится, возможно, всего десятком слов, но при этом умудряется донести все, что хочет сказать. Между столами болтается Серега Ю, полукореец, полурусский. Он выраженный технарь, и весь мир для него состоит из радиосхем и механических конструкций. Если Серега обсуждает что-то, то держится всегда очень уверенно. Иногда Гоша замечает, что Серега неправ в споре, но Серегина уверенность все равно покоряет его. Он и сам бы хотел быть таким же твердым и в своих суждениях, и в жизни вообще, но у него никогда не получается, и сомнение живет в нем постоянно как часть его сознания.

В небольших комнатах жили по четверо. Соседями Гоши были могучий Арсен и Леня с Игорем. И Леня, и Игорь перед Универом учились в физматшколе, поэтому на первом курсе чувствовали себя вполне комфортно, как люди, уже и так много знающие. Игорь даже позволял себе тратить время на возню с магнитофоном, счастливым и едва ли не единственным в общежитии обладателем которого он был. В те годы бытовая техника не могла работать самостоятельно, без участия человека, и Игорь постоянно что-то в нем подпаивал, подтягивал, подливал. Зато когда утром, проснувшись, Игорь первым делом жал на клавишу своего питомца, из этого устройства в комнату врывается веселый и бесшабашный голос Юлия Кима: «На далеком севере бродит рыба-кит...». Гоша, с восторгом относившийся ко всем кимовским песням, несколько минут блаженствовал, оставаясь в постели. Ну, а потом – подъем, пей свое молоко с булочкой и беги в Универ.

Денег студентам хватало обычно только чтобы дотянуть до следующей стипендии. Поэтому жили без излишеств, помогая друг другу в трудные дни. Конечно, небольшие праздники для разрядки все-таки устраивали. Но больших трат они не требовали, ведь за столом вполне хватало бутылки «Цинандали» за три рубля да пары банок зеленого горошка. Но однажды все-таки решились «шикануть». Случился Гошин день рождения, и на него пригласили Элю с подружками. Чтобы удивить девочек, Игорь предложил взять на прокат на один вечер дорогой и красивый сервиз. Так и сделали. Девочки пришли, но без Эли: в тот день ей понадобилось уехать к родителям. Верочка с Наташей без конца щебетали, их фантазия и способность находить темы для разговора были неистощимы, поэтому вечер провели очень славно. Под конец даже затеяли игры с беготней вокруг стола. И так разбегались, что сломали несколько

предметов из сервиза. Но ничто уже не смогло испортить настроения. На следующий день мудрый Игорь все уладил с пунктом проката, наотрез отказавшись от участия Гоши в оплате разбившихся чашек.

Когда Гоше по случаю приходилось общаться со студентами других вузов, он с удивлением слушал, как они восхищаются своими преподавателями, их заслугами, профессиональным мастерством, и пытаются уверить, что лучше их на свете никого нет. Да, думал Гоша, наверное, у них хорошие преподаватели, но разве можно их сравнить с теми, что были на физфаке Универа? Нет, никогда, ни по каким параметрам, был убежден Гоша, но не спорил, и своих не хвалил и не рекламировал. Да и невозможно было рассказать посторонним студентам о том, кем и как читаются лекции в Универе, все равно не поймут.

Сегодня, например, в Большой физической аудитории за длинным столом стоит высокий интеллигентный старик с глубокими морщинами на лице. Он близко примыкал к группе создателей современной физики и ему доводилось разговаривать с Эйнштейном. Ему есть о чем рассказать студентам. Речь его изящна и выверена, так говорили люди ушедших поколений.

А в другой раз за тем же столом расхаживает не старый еще профессор с мягкой улыбкой на лице, автор идеи о встречных пучках. Полтора часа с увлечением он рассказывает о теории относительности, а оставшиеся десять минут с тем же темпераментом о том, как он, начиная путь из одной и той же станции метро, попадал к любовнице «А» почему-то в три раза чаще, чем к любовнице «Б».

И где еще могут быть такие учителя? Ну, разве что в Москве или в Питере... .

4. Эля.

Но все время, чтобы Гоша ни делал, сидел ли на лекции, занимался ли в читальном зале, в душе его постоянно кровоточила рана: он должен был видеть Элю. Они жили в разных общежитиях, учились в разных корпусах, и вероятность случайной встречи была ничтожна. Заявиться же к ним в комнату вечером Гоша не мог по многим причинам. Во-первых, он не мог придумать предлог. Потом, допустим, он пришел к ним, и что он скажет? А вдруг там уже сидит кто-нибудь из более находчивых и удачливых? Гоше, не знавшему, что говорят в такой ситуации, провалиться сквозь пол было бы единственным избавлением. А если его просто не примут, откажут, что делать? Опять позор, который надолго бы, по Гошиному мнению, пресек всякую возможность контакта. Оставалась единственная возможность: ждать и надеяться. И Гоша ждал, а рана ныла, ныла... . Но иногда встречи все-таки случались, и тогда сердце Гошино прыгало испуганно и радостно. Эля, как всегда, в шутливой и

ироничной манере расспрашивала Гошу или сама что-то рассказывала. Это продолжалось несколько минут, а потом они расходились. После таких встреч Гоша мучился вдвойне. Он начинал еще корить себя за то, как неправильно вел себя при встрече, как стоял, искривившись, почему он, тупая скотина, сказал так-то, а не как-нибудь иначе, поумнее.

А еще Гоша мучился от того, что не мог понять Элю. Иногда, при встрече, она разговаривала с ним ласково и даже старалась ободрить его, видя Гошины страдания. Но было и по-другому. Эля вдруг, без повода со стороны Гоши, бросала на него презрительный взгляд или короткую уничтожающую фразу. Гоша, красный, останавливался молча, не зная, уйти ли ему или остаться в надежде, что Элино настроение изменится.

Иногда он начинал сходить с ума. Ему вдруг начинало казаться, что Эля сейчас придет в Красную столовую. Занятия Элиной группы шли даже не в Универе, а в другом корпусе, далеко отстоящем как от Универа, так и от Красной столовой, и Эля теоретически могла туда прийти, то только по какой-то маловероятной причине. Но Гоша вскакивал и мчался в Красную столовую. Приблизившись к ней, он вдруг видел, как с другой стороны к столовой подходит Эля с подругами.

В другой раз и Эля, и Гоша были на вечеринке по поводу дня рождения одного их общего знакомого. Гоша сидел далеко от Эли, но видел, что Эля все время болтает с Мерхоером, симпатичным парнем с их курса. Весь вечер Гоша сидел молчком, нервничал, а когда Эля оделась и вышла на улицу в сопровождении Мерхоера, выскочил вслед за ними, на мороз, в одной рубашке, стал что-то кричать, размахивать руками и пытаться остановить Мерхоера. Мерхоер перепугался, а Эля молча посмотрела на Гошу так, что тот опомнился и сник.

На следующий день Эля со своей группой уезжала в экспедицию на две недели. Гоше было стыдно, ему нужно было объясниться, но пойти к ней он не отважился. И ждать в неведении своей участи полмесяца-месяц тоже не было сил. Тогда Гоша написал записку: «Эля, я люблю тебя. Прости, пожалуйста, что не могу проводить тебя. Удачной тебе поездки. Возвращайся скорее». Без подписи. Эля не отреагировала, ни в тот день, ни после. Правда, инцидент с Мерхоером тоже был забыт. Впоследствии оказалось, что записку Эля все-таки не выбросила.

Вообще Гоша стал замечать, что у Эли много знакомых ребят, и с физфака, и с мехмата. Среди них оказался и Гришаня Шимкус, учившийся в одной группе с Гошой. Учился Гришаня средненько, звезд не хватал, но был остроумен, красноречив, обаятелен, и всегда находился в курсе не только местных, но даже и московских светских событий. Редкая девушка могла

отразить Гришанино обаяние. Знакомство Гришани с Элей не удивляло, но пугало Гошу. Как-то, уже на третьем курсе, Гоша вышел из своей комнаты в общежитии и заметил в конце коридора, там, где жил Гришаня, шум и оживление. Гришаня праздновал свой день рождения. Вдруг появилась Эля, в красивом платье, с эффектной прической, и по-хозяйски, громко говоря что-то на ходу, зашла в комнату, где гремела музыка и шло веселье. Гошу как будто что-то ударило. Он вернулся к себе, упал ничком на кровать и долго лежал в ознобе, не в силах осмыслить и понять происходящее.

С того дня отношение Гоши к Эле стало понемногу меняться. Внешне все оставалось, как прежде: он восхищался ею, трепетал при ее появлении, но то, что раньше возникало как смутная догадка, теперь становилось совершенно ясным: Эля не видит в нем друга. Было грустно, было обидно, иногда хотелось кричать от боли, но нужно было мириться с этим. Другого пути не было.

Наконец, уже в конце четвертого курса все определилось. Гоша, измученный, пришел к Эле в общежитие еще раз попытаться наладить отношения. Обе Элины подруги, Вера и Наташа, сочувствуя Гоше, усадили его и стали всячески развлекать разговором. Но Эля, сделав вид, что не понимает, зачем здесь Гоша, отвернулась и молча ждала, не скрывая, когда Гоша уйдет. Обескураженный Гоша ушел, силясь понять, почему Эля сознательно и жестоко пошла на разрыв. Но очень скоро все объяснилось: Эля появилась на публике с Малышом, как Гоша про себя называл этого юношу. Малыш действительно был невысокого роста, как и Эля, к тому же учился курсом младше. Он был химиком и выявлял какие-то необыкновенные таланты, брал призы на международных олимпиадах, все говорили о его большом будущем. Эля, всегда скрытная, на этот раз откровенно демонстрировала свое расположение к Малышу. А Малыш сиял.

Гоша снова опечалился, но разум его, уже не такой зашоренный, как прежде, стал понемногу разъяснять Гоше его отношения с Элей.

Гоша нравился Эле. Ей нравилась его простота, открытость, внешность, наконец. И, конечно, Эле, как и любой женщине, хотелось бы видеть возле себя смелого, сильного, могущего постоять за себя и за нее парня, каким был Гоша. Но Эля не была обычной женщиной. Прежде всего, она была невероятно, фантастически красива. Знаменитая Лиз Тейлор отдаленно напоминала Элю, как искаженная и некачественная репродукция отдаленно напоминает оригинал. Но Эля была еще и умна, что в сочетании с ее внешностью делало Элю исключительной, недостижимой для большинства женщин. Конечно, Эля, хотела она того или нет, подсознательно учитывала это обстоятельство и рассчитывала на то, что ее будущий спутник сделает ее жизнь достойной. А что мог дать Гоша? Есть у него перспективы? Очень сомнительно. Гоша вспомнил, как еще

на втором курсе Эля возила его к себе домой показать родителям. После той поездки никакой ободряющей Гошу реакции не последовало. Значит, Гоша «не показал себя». И позже был отвергнут. Возможно, как предположил Гоша, по той же причине отпал и пустозвон Гришаня Шимкус. И другие. Холодный, расчетливый, практический ум Эли работал, как представлялось распалившемуся Гошиному воображению, безошибочно и неумолимо. Вопрос только, всегда ли на ее благо, но понять это в то время было невозможно. И вот тут является Малыш. Умный, перспективный, с хорошей родословной. И решение было принято. Эля снова стала приветливой с Гошей, но теперь это была приветливость безразличного человека.

Годы спустя Гоша, вспоминая, размышлял, правильно ли поступила Эля? И пришел к неутешительному для себя выводу: если принимать во внимание только «за» и «против», хороши или плохи различные варианты, то «да», абсолютно правильно, без вариантов. Любая умная женщина на месте Эли поступила бы точно так же. Другое дело, тактически Эля могла бы все сделать мягче, женственней, ласковей. Позвала бы, например, Гошу к себе и сказала: «Гоша, миленький, прости меня, я выхожу замуж». И Гоша, прослезившись, всю жизнь считал бы ее святой. Но тут вопрос: а разве Любовь — это логика? Разве это арифметический подсчет плюсов и минусов? Нет, где Любовь, там нет и не может быть расчета. А коли есть, то расчет слабый, подсознательный, скорее надежда, что все будет хорошо. Следовательно, если Эля действительно обдумывала будущее, как шахматист обдумывает ситуацию на доске, которая возникнет через несколько ходов, то на ее любовь не приходилось надеяться никому из претендентов. Любящий всегда готов на жертву, бездумную, безрассудную, «не гадая, в ад или в рай», хотя не во всех случаях такая жертва и требуется.

«А может быть,» - продолжал рассуждать Гоша - «все это глупости, мои обиды отвергнутого? Ничего Эля не считала, а просто долго искала и, наконец, нашла того, единственного, ей суженного? Ну, не нравился я ей чем-то, что ж, она обязана, что-ли, выбрать меня только за то, что я такой хорошенький и меня нельзя обижать? Так бы и Гришаня мог заявить, и любой другой, а Эля то всего одна». Так, размышляя, Гоша вконец запутывался и тоскливо смотрел в пространство перед собой.

Однако между тем временем, как отвалился Гришаня, и тем, когда появился Малыш, произошло небольшое событие, значение которого Гоша понял только спустя много лет. Как-то зимой, на четвертом курсе, Гоша поехал в центр Большого Города по мелким делам. С утра у него болела голова, но терпимо. На обратном пути в автобусе Гоша увидел Элю. Она возвращалась из дома, от родителей. Гоша обратил внимание, что Эля была немножко

притихшей, задумчивой, без обычного ироничного блеска в глазах. В дороге они спокойно и о многом поговорили. Гоша проводил ее до общежития, и когда Эля уже открывала дверь, она вдруг спросила Гошу: «Не зайдешь?». Но к этому времени, после хождения по Городу и долгой поездки в холодном, трясущемся автобусе, тяжелые механические молоты в голове у Гоши колотили уже так, что он едва стоял на ногах, из последних сил пытаясь не показать своего состояния. Больше всего ему хотелось сейчас упасть где-нибудь, хоть здесь, на улице, в снег, зажать голову руками и заставить боль немножко ослабнуть. И Гоша отказался. Много позже Гоша подумал: а, может, тогда, между Гришаней и Малышом, Эля была в растерянности и у него был шанс? Но что об этом говорить, все в прошлом.

Для Гоши парадоксальность его ситуации состояла еще и в том, что он с самого начала отчетливо сознавал свою бесперспективность с точки зрения возможных будущих отношений с Элей. Он знал, что он крепкий парень, способен упорно трудиться и создать условия, подходящие для многих, но не для Эли. Нет, она достойна большего, много большего, твердо считал он. Так чего же он добивался? У Гоши не было ответа. Он просто не мог жить, дышать, существовать без нее. Он любил ее, безумно, безответно, бессознательно. Много позже, когда у Гоши появилась некоторая развязность в мыслях, он стал думать, что Любовь — это просто игра гормонов, химия. Но в случае с Элей это было совсем не так, глупостью. Он никогда, ни секунду не думал об Эле, как женщине. Тогда, что такое Любовь? Безумие? Или все-таки химия, но на более высоком, ментальном уровне? Возможно.

Развязка наступила в середине пятого курса. Гоша, направляясь к Универу, пересекся курсом с гуляющими Элей и Малышом. Увидев его, Эля торжествующе улыбнулась и демонстративно, как показалось Гоше, склонила голову на плечо Малышу. Гоша сжался, но виду не показал. На следующий день он сделал предложение девушке, с которой встречался последнее время.

Эпилог

Шли годы, Гоша работал, защищал диссертации и неумолимо становился Георгием Александровичем.

Однажды, теплым сентябрьским вечером, Георгий Александрович шел вниз по Проспекту. Проспект был почти безлюден, ему встретились только два бомжа с сумками, да около Красной столовой стояла небольшая кучка людей среднеазиатской внешности, торговавшие здесь фруктами. И все. Ну, может быть, еще пара случайных прохожих. Георгий Александрович удивился, и в памяти совсем не случайно всплыл один весенний день его далекой юности.

Апрель месяц. Первокурсник Гоша не торопясь шагает по Проспекту. Солнце уже спускается к Морю и его лучи падают прямо в лицо. На Проспекте оживление. Люди, уставшие от долгой зимы, стужи, сугробов, вышли на улицу, чтобы пройтись, прогуляться, встретить знакомых. То там, то здесь возникают стихийные группки остановившихся поговорить людей. Поток движется, меняется, и Гоше на глаза попадает то одно, то другое знакомое лицо.

Около Красной столовой в толпе возвышается мужчина средних лет и броской внешности, в обычных для него куртке и свитере с глухим воротником. Он очень популярен как известный физик и как автор вечернего кафе для жителей Городка. У него здесь много знакомых, которые подходят, протягивают руку, что-то говорят.

А вот еще один известный в Городке человек с торчащей вперед острой бородкой клинышком и прямым, настороженным взглядом темных глаз. Его окружает стайка (злые языки говорили: табун) молодых длинноногих женщин. Чем он занимается, Гоше неизвестно, но ни одно мероприятие в Доме Ученых без него не обходится.

Неожиданно взгляд выхватывает в потоке невысокую тоненькую фигурку в темно-синем пальто и с красивой черноволосой головкой. «Эля!» - вырывается у Гоши, и он бросается навстречу, не разбирая дороги. Как много он хочет сказать ей, как много ему нужно сказать, но слова застревают в горле, и только сияющие Гошины глаза выдают его состояние. Эля улыбается, она тоже рада встрече, и они идут рядом, ничего не замечая вокруг и видя только друг друга. Эля о чем-то увлеченно рассказывает, а Гоша слушает, кивает. Он не всегда разбирает, о чем она говорит, но это не важно, ему просто приятно слушать ее. Постепенно люди вокруг исчезают, исчезает и Проспект, и они идут по какой-то незнакомой местности. Но и это ничуть не трогает Гошу. Пусть хоть что происходит вокруг, только бы Эля была рядом, и он слышал ее голос.

Как изменился, как постарел Городок! Как выросли березки и сосенки на Проспекте, посаженные в год появления Георгия Александровича здесь. Поколение шестидесятых, тех, которые «из разговоров признают только споры», ушло, уехало, состарилось, умерло. Умер и тот Городок, канул в Лету. Городок, в котором мы учились, любили, выросли. Его не будет больше никогда, как не будет и нас, юных, полных сил и надежд. И Георгий Александрович, грустно опустив голову, продолжает свой путь.